

Геннадий Ковалев

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОНИМИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Этнонимия славянских языков - интересный и благодатный материал для исследования самых разных языковых процессов. При кажущейся необъятности массива слов, относящихся к данной группе (по данным нашей картотеки Словаря этнонимов русского языка, современный русский язык располагает более чем 10 тысячами этнонимов), все же можно выделить такое ядро (приблизительно около 300 слов в каждом языке), которое составит самую частотную, самую употребительную этнонимию, в семантическом плане общую практически для всех славянских языков.

Нам кажется чрезвычайно небезынтересным проследить: 1 - эволюцию общеславянских этнонимов, формантов, словообразовательных моделей в отдельно взятых славянских языках; 2 - использование словообразовательных средств каждого из славянских языков при формировании новых этнонимов (с учетом того, что производящие основы таких этнонимов являются при определенных фонетических и графических различиях общими для всех славянских языков).

В данной статье будут рассмотрены в основном производные (вторичные) этнонимы. Из анализа будут исключены различные самоназвания неславянских народов, осмысляемые славянами как производные (типа русск. хауса, бемба, меланау и т.п.; польск. Fulbe, Gurage, Sidamo и т.п.). Также, видимо, целесообразно исключить из сопоставительного анализа этнонимы, образованные не от одинаковых основ, ср.: словенск. Lah, польск. Włoch и словацк. Talian, русск. итальянец.

Славянские языки в основном получили в наследие от общеславянской эпохи одни и те же словообразовательные модели и средства. Так, наиболее характерными древними типами этнонимических моделей являются:

1) бессуффиксальный тип: Чехы, Сърби, Хървати (возможно и Нѣмци);

2) с суффиксом -ѣне, -ане/-'ане: Македоняне, Лендзяне, Поляне и т.д. Сомнительным представляется наличие суффикса -ѣне в Словѣне, поскольку в образованном от него прилагательном сохраняется элемент -ѣн-, ср.: польский, македонский и т.п., но слов-ѣнь-ский, а не словьский, как этого следовало бы ожидать;

3) с суффиксом -ичи: Радимичи, Дреговичи, Лютичи и т.д. Правда, польский исследователь Лешек Мошиньски в целом ряде своих работ утверждает, что суффикс -ичи употреблялся не для названий славянских племен и народов. По его мнению, данный суффикс формировал лишь вторичные номинации от этнонимов на -ане, поэтому образования с указанным формантом, дескать, нельзя считать этнонимами в чистом виде, то есть они могут считаться только названиями по месту жительства. Сам же формант -ичи в этом случае оказывается показателем более древней генетической связи данной общности с соответствующим славянским племенем¹. Аналогичное мнение еще ранее высказывал другой польский лингвист Станислав Роспонд².

По нашему мнению, не считать формант -ичи этнонимическим было бы совершенно неправомерно, хотя бы потому, что среди названий восточнославянских племен параллели этнонимов на -ане и -ичи практически отсутствуют. Более того, эти форманты дифференцируют восточнославянские племена по уровню их культурного и социального развития в рамках эпохи, описанной "Повестью временных лет".

Иную трактовку дифференциации формантов -ане и -ичи в нескольких своих работах предложил известный советский историк Б. А. Рыбаков. Он полагает, что "внутри праславянского ареала все имена крупных племенных союзов (известные нам по Нестору и другим средневековым письменным источникам) имеют окончание "-ане" или "-яне" ("поляне", "висляне", "мазовшане", "древляне" и т.п.).

¹ L. Mo s z y ŋ s k i, Z zagadnień słowotwórstwa prasiłowiańskich nazw plemiennych, [в:] Etnogeneza i topogeneza Słowian, Poznań 1980; i d e m, Czy sufiks *-itjo- pełnił w okresie prasiłowiańskim funkcję patronimiczną, "Onomastica" 1982.

² S. R o s p o n d, Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich, "Rocznik Slawistyczny" 1969, t. 29, cz. 1, c. 18.

Имена же племенных союзов, находящихся за пределами праславянского ареала, т.е. явившихся результатом широкого расселения славян, имеют другие окончания: "-ичи", "-ици" ("кривичи", "радимичи", "нелетичи", "лютичи", "тиверцы" и т.п.)³. Однако аргументация этой гипотезы крайне слаба - дело в том, что славянские племена на -ичи находились не только на периферии праславянских территорий (зоной позднейшей колонизации), но и в самом их центре. Нельзя же всерьез считать, что Вятичи и Радимичи, например, размещались где-то на окраине славянских территорий, даже с учетом того, что в "Повести временных лет" они рассматриваются как пришлые, жившие ранее "в Лясѣхъ".

Следует отметить, что в древнерусском языке, значительно шире, чем в других славянских языках, был развит класс собирательных этнонимов, рамки номинации которых ограничивались соседними неславянскими народами⁴.

В старопольском языке эта группа этнонимов была представлена гораздо слабее. А. Брюкнер отмечает лишь Saś, Duń, Serb', Samojedź, Żmudź⁵, причем в некоторых случаях он предполагал русское влияние.

В южнославянских языках собирательные этнонимы, видимо, также существовали, но до нашей эпохи дошли лишь фрагменты, причем обозначающие уже не собственно этническую общность, а только молодых представителей, молодежь или даже детей какой-либо национальности. Так, в сербохорватском языке польский исследователь Вилим Франчич отметил более 25 этнонимов, образованных суффиксом -ад/-чад и обозначающих молодых представителей различных регионов сербско-хорватского языкового ареала, а также блуждающих народов: Arnaučād - 'албанская молодежь', Bugarčād - 'болгарская молодежь', Člvučād - 'еврейская молодежь', Srbijačād/Sr̥pčād - 'сербская мо-

³ Б. А. Рыбаков, Исторические судьбы праславян, [в:] История культура, этнография и фольклор славянских народов, VIII Международный съезд славистов, Москва 1978, с. 186; см. также: Б. А. Рыбаков, Геродотовская Скифия, Москва 1979, с. 222.

⁴ Г. Ф. Ковалев, Собирательные этнонимы в "Повести временных лет", [в:] Сравнительно-исторические исследования русского языка, Воронеж 1980, с. 69-74.

⁵ А. Брюкнер, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 1927, с. 84-85, 480, 482, 485.

1) бессуффиксальный тип: Чехы, Сърби, Хървати (возможно и Нѣм-ьци);

2) с суффиксом -ѣне, -ане/-'ане: Македоняне, Лендзяне, Поляне и т.д. Сомнительным представляется наличие суффикса -ѣне в Словѣне, поскольку в образованном от него прилагательном сохраняется элемент -ѣн-, ср.: польский, македонский и т.п., но слов-ѣнь-ский, а не словьский, как этого следовало бы ожидать;

3) с суффиксом -ичи: Радимичи, Дреговици, Лютичи и т.д. Правда, польский исследователь Лешек Мошиньски в целом ряде своих работ утверждает, что суффикс -ичи употреблялся не для названий славянских племен и народов. По его мнению, данный суффикс формировал лишь вторичные номинации от этнонимов на -ане, поэтому образования с указанным формантом, дескать, нельзя считать этнонимами в чистом виде, то есть они могут считаться только названиями по месту жительства. Сам же формант -ичи в этом случае оказывается показателем более древней генетической связи данной общности с соответствующим славянским племенем¹. Аналогичное мнение еще ранее высказывал другой польский лингвист Станислав Роспонд².

По нашему мнению, не считать формант -ичи этнонимическим было бы совершенно неправомерно, хотя бы потому, что среди названий восточнославянских племен параллели этнонимов на -ане и -ичи практически отсутствуют. Более того, эти форманты дифференцируют восточнославянские племена по уровню их культурного и социального развития в рамках эпохи, описанной "Повестью временных лет".

Иную трактовку дифференциации формантов -ане и -ичи в нескольких своих работах предложил известный советский историк Б. А. Рыбаков. Он полагает, что "внутри праславянского ареала все имена крупных племенных союзов (известные нам по Нестору и другим средневековым письменным источникам) имеют окончание "-ане" или "-яне" ("поляне", "висляне", "мазовшане", "древляне" и т.п.).

¹ L. Mo s z y ŋ s k i, Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych, [8:] Etnogeneza i topogeneza Słowian, Poznań 1980; i d e m, Czy sufiks *-itjo- pełnił w okresie prasłowiańskim funkcję patronimiczną, "Onomastica" 1982.

² S. R o s p o n d, Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich, "Rocznik Slawistyczny" 1969, t. 29, cz. 1, c. 18.

Имена же племенных союзов, находящихся за пределами праславянского ареала, т.е. явившихся результатом широкого расселения славян, имеют другие окончания: "-ичи", "-ици" ("кривичи", "радимичи", "нелетичи", "лютичи", "тиверцы" и т.п.)³. Однако аргументация этой гипотезы крайне слаба - дело в том, что славянские племена на -ичи находились не только на периферии праславянских территорий (зоной позднейшей колонизации), но и в самом их центре. Нельзя же всерьез считать, что Вятичи и Радимичи, например, размещались где-то на окраине славянских территорий, даже с учетом того, что в "Повести временных лет" они рассматриваются как пришлые, жившие ранее "в Лясбѣхъ".

Следует отметить, что в древнерусском языке, значительно шире, чем в других славянских языках, был развит класс собирательных этнонимов, рамки номинации которых ограничивались соседними неславянскими народами⁴.

В старопольском языке эта группа этнонимов была представлена гораздо слабее. А. Брюкнер отмечает лишь Saś, Duń, Serb', Samojedź, Żmudź⁵, причем в некоторых случаях он предполагал русское влияние.

В южнославянских языках собирательные этнонимы, видимо, также существовали, но до нашей эпохи дошли лишь фрагменты, причем обозначающие уже не собственно этническую общность, а только молодых представителей, молодежь или даже детей какой-либо национальности. Так, в сербохорватском языке польский исследователь Вилим Франчич отметил более 25 этнонимов, образованных суффиксом -ад/-чад и обозначающих молодых представителей различных регионов сербско-хорватского языкового ареала, а также блуждающих народов: Arnaučad - 'албанская молодежь', Bugarčad - 'болгарская молодежь', Člvučad - 'еврейская молодежь', Srbijačad/Sr̥pčad - 'сербская мо-

³ Б. А. Рыбаков, Исторические судьбы праславян, [в:] История культура, этнография и фольклор славянских народов, VIII Международный съезд славистов, Москва 1978, с. 186; см. также: Б. А. Рыбаков, Геродотова Скифия, Москва 1979, с. 222.

⁴ Г. Ф. Ковалева, Собирательные этнонимы в "Повести временных лет", [в:] Сравнительно-исторические исследования русского языка, Воронеж 1980, с. 69-74.

⁵ А. Брюкнер, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 1927, с. 84-85, 480, 482, 485.

лодежъ" и т.д.⁶. Тем же исследователем отмечена группа собирательных этнонимов, образованных с помощью суффикса *-ija/-adija/-urija*: *Ciganija* - "цыгане", *Njemadija* - "немцы", *Grčadija* - "греки" и т.п.⁷

Собирательное значение имеют и форманты *-ija*, *-арија*, *-удија*, *-урија* в современном македонском языке⁸.

Можно предположить, что в древности славянские языки обладали не менее богатым набором собирательных этнонимов, нежели древнерусский язык, однако поздняя письменная фиксация не смогла довести до нас всего этого богатства. Отметим только, что предположки существования собирательных этнонимов на "ь" обнаруживаются с одной стороны в отприлагательных существительных (ср. верхнелужицк. *běl, bruń, čerwjeń, zeleń, šěf, žołć*⁹), с другой - в собирательных типа верхнелужицк. *pruć* - "прутья", от *prut* - "прут".

Единственное число этнонимов формировалось как без суффикса, так и с формантом *-инь* (ср.: *Сърбъ* и *Сърбинъ*, *Грькъ* и *Грьчинъ* и т.п.), хотя более характерной формой единственного числа была форма, оснащенная показателем сингулятивности - *инь*, поскольку и собирательные этнонимы, и этнонимы с грамматически выраженной формой множественного числа сохраняли еще древнюю праславянскую семантику собирательности. Как верно заметил В. И. Дегтярев: "Словообразовательное значение сингулятива является исконной и самостоятельной функцией праславянского форматива - *инь*"¹⁰.

Этнонимы, обозначающие лиц женского пола, были крайне редкими в древности. Чаще всего они формировались на базе этнонимов мужского рода с помощью форманта *-ини/-иня*: *Гъркини*, *Римлянины* и т.п. Как правило, такие этнонимы обозначали или святых, или лиц, представлявших высшие слои древнего общества.

⁶ V. F r a n ě i ć, *Budowa słowotwórcza serbsko-chorwackich kolektywów*, "Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego" 1961, t. 41, s. 10-25.

⁷ Там же с. 29-31.

⁸ Б. М а р к о в, *Nomina singulativa a collectiva во современнот македонски јазик*, "Лужнословенски Филолог" 1973, кн. 30, св. 1-2, с. 395.

⁹ М. К р ј е џ м а ı, *Tworzenie słow w hornjoserbšćinje*, "Létopis Instituta za serbski ludospyt", 1954, rјad A, ě. 2, с. 33.

¹⁰ В. И. Д е г т я р е в, Категория числа в славянских языках, Ростов-на-Дону 1982, с. 100.

С развитием национальных языков, с их самостоятельной и довольно автономной, нередко диктуемой языковым окружением, эволюцией, каждый из славянских языков развивал в себе определенные черты, отличающие его от других славянских языков. В почти прямом соответствии с этим и этонимия славянских языков претерпела серьезные изменения в своей словообразовательной структуре, причем словообразовательные новации проявились в различных славянских языках достаточно специфично. С одной стороны, каждый язык формировал собственную этонимию, исходя из лингво-этнического окружения и по-своему отбирая словообразовательные модели и средства, почерпнутые из общеславянского фонда. С другой стороны, некоторые языки выработали (опять-таки на общеславянской базе или благодаря ее наличию) собственные специфические форманты, характерные для ограниченного круга языков, а то и вообще только для одного языка (как это произошло в польском).

Пожалуй, значительнейшим явлением в развитии славянской этонимии следует считать окончательный переход от праславянского собирательного типа (и его остаточных пережитков) этнической номинации к новой, грамматически дифференцирующей множественное и единственное число номинации. В. И. Дегтярев, описывая более широкий, нежели этонимия, языковой материал, отметил: "Абстрагирование количественных представлений ведет к тому, что в языковом выражении количественные значения ориентируются не на имена собирательные, а на грамматические формы мн.ч., более строгие по своему содержанию, абстрагированные, свободные от побочных смысловых оттенков и значений (качественности множества, совокупности и т.п.). Вытеснение имен собирательных формами мн.ч. в функции множественности свидетельствует об организующей и упорядочивающей роли грамматики в речевой реализации языковых средств. Не словообразовательный суффикс, а флексия как более компактный и универсальный способ языкового выражения принимает на себя роль показателя значения мн.ч."¹¹.

Уже к XУ веку в славянской этонимии не обнаруживается формант *-ичи*. Формант же *-ане/-'ане*, характерный практически для всех славянских языков до XУ в., уступил свои функции тем фор-

¹¹ Там же, с. 121.

мантам, которые в более древнюю эпоху не специализировались на формировании этнонимов. Например, получил распространение формант -цы/-ец и его варианты. В сербохорватском языке суффикс -ац все чаще употребляется в этнонимии в форме -анац. В целом этот формант наиболее характерен для современной этнонимии восточно- и южнославянских языков, ср.: русск. алжирец, колумбиец, саудоара-виец; болг. албанец, индиец, японец; сербохорв. Арбанац, Афганац, Данац; македонск. Белгиец, Грузиец, Кипранец; словенск. Armenec, Avstralec, Holandec etc.

В современных чешском и словацком языках суффикс -ес проявляет затухающую продуктивность, ср.: словацк. Paňďžabec, Paraguajec, Vietnamec; чешск. Kubánes, Brazilec, Dagestánes etc.

В польском и лужицких языках данный формант совершенно непродуктивен. Например, в одиннадцатитомном Словаре польского языка¹², насчитывающем в своем словнике около 125 тысяч слов, содержится практически только 2 этнонима на -ес: общесл. Niemiec, ист. Doniec, а также синонимы Niżowiec и Zaporożec. В словаре С. В. Линде, отражающем конец XVIII - 1 пол. XIX вв., тоже обнаруживается лишь 3 образования на -ес: Niemiec, Krymiec и Doniec (Duniec)¹³. Можно добавить еще: Czarnogórzec, Słoweniec, Ukrainiec.

В верхне- и нижнелужицком языках встречаются только одиночные слова с суффиксом -с: Jarańc¹⁴, Słowinc, Słowjenc¹⁵.

Некоторое число этнонимов сформировалось в славянских языках с помощью суффикса -ак. Следует однако отметить, что за исключением чешского и словацкого языков (да и то не в этнонимии, а в катойконимии) этот формант не получил широкого распространения. Это связано, видимо, со специфическим значением суффикса -ак, поскольку он способен формировать слова с откровенно разговорным оттенком или даже слова с пейоративным значением (ср. русск. дурак, сопляк, мозгляк и т.п.; польск. dłubak, zołdak, inteligenciak, bzdziak etc.), а также слова со значением предметности (не лица)

¹² Indeks a tergo do Słownika języka polskiego, pod red. W. Doroszewskiego, Warszawa 1973, с. 335, 336.

¹³ S. B. L i n d e, Słownik języka polskiego, t. 1-6, Lwów 1854.

¹⁴ К. К. Т р о ф и м о в и ч, Верхне-лужицко-русский словарь, Москва-Бауцен 1974.

¹⁵ Э. М у к а, Словарь ниже-лужицкого языка, Петроград 1921, вып. 1.

и собирательности (ср. русск. резак, черпак, тесак и дубняк, березняк молодняк; польск. plesak, gumiak, dobniaк i brzeźniak, dębniak, etc.

В русском языке этнонимов с суффиксом -ак/-ак совсем мало: поляк, словак, босняк (бошняк), пруссак (разг.). В этнонимах же остяк и вотьяк, впрочем уже ставшими архаизмами, а также, возможно, и в слове пермяк мы предполагаем не славянский суффикс -ак, а общетюркский формант -ак, формирующий субстантивы¹⁶. Очевидно, что первая группа этнонимов (со славянским -ак) вошла в русский язык через посредство западнославянских языков, скорее всего польского, чешского и словацкого. Остальные этнонимы вошли через посредство различных тюркских языков и со временем слились с этнонимами на славянский суффикс -ак/-як. Этнонимы же австрияк и русак употребляются только в разговорной речи, ср.: австриец и русский.

В украинском языке тип этнонимов на -ак/-як малопродуктивен. Авторы монографии "Словообразование современного украинского литературного языка" отмечают лишь австріяк, пруссак; мещеряк, подоляк, сибиряк, степняк, західняк¹⁷, причем утверждают, что этнонимы "поляк, словак, босняк - с тем же самым общеславянским морфом, но образованы не на украинском грунте, а заимствованы из соответствующих языков"¹⁸. М. Валий полагает, что образования австріяк, поляк, прусак, татарак, воляняк в украинском языке являются заимствованиями из польского языка¹⁹.

В верхнелужицком языке, как отмечает М. Кречмар, формант -ак в этнонимии является непродуктивным, можно назвать только Polak i Prusak, причем последнее образование имеет характерное пейоративное значение²⁰.

В польском языке этнонимы на -ак тоже в общем-то одиночны: Polak, Austriak, Prusak, Słowak i Czechosłowak. Хотя этот формант известен в польском языке с XV-XVI вв., особая продуктивность

¹⁶ З. В. Севортян, К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках, [в:] Вопросы теории и истории языка, Москва 1952, с. 342-346.

¹⁷ Словотвір сучасної української літературної мови, Київ 1979, с. 78.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. В а л и й, Substantywizacja sufiksalna przymiotników w języku ukraińskim, "Slavia Orientalis" 1976, nr 1, s. 74-75.

²⁰ К р е ч м а р, op. cit., с. 36.

его наблюдалась в XIX в., правда, в основном в катойконимии. Уже тогда польские лингвисты отметили специфическую экспрессивность этого суффикса. Так, Ян Дешкевич в 1848 г. писал: "-ak, видимо должен был означать жителя кичливого, с указанием на это качество, а может быть и с презрением"²¹. Франтишек Малиновский отмечал: "...вероятно пренебрежение выражалось формантом -szik, т.е. *roznančik*, *krakowčik*, но более всего формантом: -ak: *roznan-niak*, *krakow-niak*, *torun-niak*"²².

Малочисленность группы этнонимов на -ak в польском языке, а также полное отсутствие новообразований с данным формантом заставляют сомневаться в справедливости выводов ряда польских авторов, считающих этот суффикс живым и продуктивным²³. Мы полагаем, что группа этнонимов с формантом -ak образовалась не без влияния чешского языка. Особенно это касается самоназвания поляков (*Po-lak*). Кроме уже указанных слов данной группы, в польском обнаруживается еще группа этнонимов, являющихся вторичными, образованными суффиксом -ak от первичных этнонимов: *Żydziak* (*Żyd*), *Murzyniak* (*Murzyn*), *Cyganiak* (*Cygan*) etc. В зависимости от контекста они получают значение 'ребенок данной нации' или яркое пейоративное значение.

В словацком языке слова на -ak не представляют массивной группы: *Poliak*, *Rusniak*, *Prušiak*, *Eskimák*, *Slovak*, *Čechoslovak* etc. Причем, название *Slovak* (самоназвание словаков) является явно несистемным, ср.: *Slovak*, но *slovenský*, то есть по-словацки должно быть или *Sloven*, или *Slovenak*. В словацком суффикс -ak также подчас выполняет функции пейоративного форманта, ср.: *Žid*, но *Židak*. Аналогичное явление отметил Я. Горецки в словацкой катойконимии, образованной суффиксом -ak: "В именах существительных образованных от названий городов, ощутимым является разговорный

²¹ J. N. D e s z k i e w i c z, *Gramatyka języka polskiego*, Rzeszów 1846, с. 106.

²² F. M a l i n o w s k i, *Historyczna gramatyka języka polskiego*, Poznań 1869, с. 301.

²³ B. L i n d e r t, *Formanty służące do tworzenia nazw mieszkańców w językach słowiańskich*, Lublin 1967, с. 56; P. Z w o l i ń s k i, *Substantywizacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych*, Warszawa 1963, с. 98.

оттенки: Brniak, Pražák, Bratislavák, Plzeniak (нейтральные соответствия к ним Brňan, Pražan, Batislavčan, Plzenčan)"²⁴.

Те же самые образования обнаруживаются и в чешском языке. И здесь суффикс -ak не образует новых этнонимов, а в катойконимии "имена на -ak имеют народный характер, подчас фамильярный и презрительный"²⁵.

В остальных славянских языках встречаются лишь одиночные этнонимы на -ak (чаще всего поляк и словак в соответствующем графическом оформлении). Так, югославский ученый С. Бабич отмечает, что даже в катойконимии сербохорватского языка образования на -ak являются устаревшими, носящими ярко выраженную стилистическую окраску²⁶, образования же на -čak он относит к диалектной специфике кайкавских говоров²⁷.

Некоторые языки в ходе своего национального развития сформировали собственные этнонимические форманты. Так, польский язык выработал суффикс -czyk, не встречающийся в этой функции в других славянских языках²⁸. В современном чешском языке при формировании этнонимов наиболее продуктивным является суффикс -an²⁹; в словацком - формант -čan, все более наращивающий свою продуктивность и в отдельных случаях вытесняющий суффикс -an; в лужицких - также -an/-čan, причем в нижнелужицком встречаются варианты с суффиксальным наращением -aŕ, -anaŕ, видимо, заимствованным из немецкого -er, -aner (Afrikan - Afrikanar, Amerikan - Amerikanar, Francoza - Francozar, Eskimar, Hebrejar, Chinar, Chinezar)³⁰, поскольку такой формант вообще не характерен для славянской этнонимии, ср. единственное образование подобного рода в чешском: Kamčatka - Kamčatkár.

²⁴ J. H o r e s k ý, *Slovotvorná sústava slovenčiny*, Bratislava 1959, с. 93.

²⁵ V. Š m i l a u e r, *Novočeské tvorení slov*, Praha 1971, s. 32.

²⁶ S. B a b i č, *Tvorba imenica sufiksima na -ak*, "Radovi zavoda za slavensku filologiju" 1976, kn. 14, с. 73.

²⁷ B a b i č, *op. cit.*, с. 76.

²⁸ Г. К о в а л е в, Общие тенденции в развитии русской и польской этнонимии, "Przegląd Rusycystyczny" 1983, z. 3-4, с. 37-39.

²⁹ K. H a u s e n b l a s, M. D o k u l i l, *Jména nositelů substantivního vztahu, [8:] Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen*, Praha 1967, с. 412-413.

³⁰ М у к а, указ. соч.

Структурная общность славянской этнонимии размывалась не только благодаря разноплановому развитию славянских национальных языков и, соответственно, растущему расхождению между ними, но и благодаря внедрению в их словообразовательную систему значительного количества неславянских названий стран и государств (хоронимов), как правило, с трудной для славянского словообразования концовкой основ. Такие основы иноязычных хоронимов в каждом конкретном случае заставляли адаптировать при словопроизводстве прилагательных и этнонимов или саму топооснову, или словообразовательные форманты. Для южно- и западнославянских языков более удобным оказалось адаптировать (чаще всего происходит усечение) "неудобную" в словообразовательном отношении иноязычную топооснову. Для восточнославянских же (в особенности русского) языков более удобным оказалось приспособление формантов при максимальном сохранении заимствованной основы хоронима³¹.

Именно в силу этой, характерной для восточнославянских языков тенденции, при формировании отхоронимических прилагательных, а затем и этнонимов используется целый набор буферных морфем (интерфиксов), помогающих соединить неславянскую основу хоронима (особенно с концовкой на гласный, чаще всего не являющийся флексией, или даже столь нехарактерную для славянских языков группу сонантов, ср.: Ниуэ) и славянский формант (как правило, суффикс -цы/ -ец).

В довольно значительной степени на характер адаптации иноязычных хоронимов влияло их положение в системе склонения каждого из славянских языков. Для русского языка, например, характерна была неизменяемость большинства заимствованных хоронимов с концовкой на сонант, т.е. конечные гласные таких хоронимов осмыслились не как флексии, а как элементы корня. Отсюда и тенденция к максимальному сохранению материала хоронима при образовании от него прилагательного, а затем и этнонима. Например: Конго - конго-лезский, - конголезцы, конголезец, конголезка; Ниуэ - ниуэ-йский - ниуэйцы, ниуэец, ниуэйка; Тувалу - тувалу-анский - тувалуанцы, тувалуанец, тувалуанка и т.п.

³¹ Г. Ф. К о в а л е в, История русских этнических названий Воронеж 1982, с. 83-84.

И напротив, в западнославянских языках, где практически редко встречаются неизменяемые хоронимы, гораздо чаще конечные гласные заимствованных хоронимов включаются в грамматическую структуру в качестве флексий, ср.: словацк. Togo - tog-ský i tož-ský - Togčan i Tožan, Togčanka i Tožanka³²; чешск. Kongo - konž-ský - Konžan, Konžanka (наряду с Kongan, Konganka?³³); верхнелужицк. Chile - chil-ski - Chilčan, Chilčanka; польск. Kongo - kong-ij-ski - Kongijczyk, Kongijka³⁴; Niue - niu-ań-ski - Niuańczyk, Niuanka etc.

Особые трудности при формировании этнонимии ощущаются в случае включения в ее словообразовательную базу хоронимов двух- или более компонентного типа. Следует отметить, что в области формирования этнонимов от двух- и многокомпонентных хоронимов почти все славянские языки проявляют близкие тенденции. Почти все славянские языки испытывают определенные трудности из-за того, что в современных названиях государств все чаще используются сложные формы, ср.: русск. Гвинея-Бисау, Папуа-Новая Гвинея, Тринидад-Тобаго, Буркина Фасо, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Острова Зеленого Мыса и т.д.; сербохорв. Обала Слоноваче, Горна Волта, Нова Гвинеја, Нови Зеланд, Саудијска Арабија, Сијера Леоне, Сри Ланка, Централноафричка Република и т.д.; македонск. Јужна Кореја, Велика Британија; болг. Бряг на слоновата кост, Острови Зелени нос, Западна Сахара, Гвинея-Бисау, Экваториална Гвинея, Шри-Ланка и т.д.; верхнелужицк. Nowy Seeland, Sierra Leone, Saudi-Arabska, Wulka Britaniska, Sowjetski zwjazk etc.; польск. Zjednoczone Emiraty Arabskie, Wyspy Zielonego Przylądka, Wybrzeże Kości Słoniowej, Trynidad i Tobago, Świętego Tomasza i Książęca, Wyspy Burkina Faso etc.; словацк. Kapverdské ostrovy, San Marino, Saudská Arábia, Sierra Leone, Sovietský svaz, Stredoafrická republika, Trinidad i Tobago etc.

При выборе словообразующей основы для отхоронимического прилагательного, а затем и этнонима, в одних случаях избирается одна

³² *Slovník slovenského jazyka*, 6 diel, Bratislava 1968, с. 299.

³³ F. V a h a l a, *Indonésan, ale Liberijec*, "Naše řeč" 1963, т. 46, с. 38.

³⁴ E. S m u ł k o w a, *Kongo nie tylko w polityce*, "Język Polski" 1960, з. 5, s. 337-338.

или более (но не все полностью) частей, чаще всего одна, сложной основы хоронима, ср.: русск. Тринидад-Тобаго - тринидадцы, Саудовская Аравия - саудовцы (и саудийцы), Шри Ланка - ланкийцы и т.п.; сербохорв. Обала Слоноваче - Слоновци; болг. Гвинея-Бисау - гвинейцы; словацк. Trinidad i Tobago - *Trinidadčania* etc.

В других случаях используются практически все части сложного хоронима. Как правило, это происходит с хоронимами, составные компоненты которых для славян не обладают самостоятельным значением, т.е. части хоронима утрачивают свою семантику после перехода из аппеллятива в имя собственное (сохраняя при этом, естественно, этимологическое значение). Сравните, например: русск. Сьерра-Леоне - сьерралеоны, Сан-Томе - сантомейцы (и сантомийцы), Пуэрто-Рико - пуэртोरиканцы и т.п.; македонск. Коста-Рика - Костариканци, Порт-Рико - Порториканци; болг. Сан Марино - санмаринци, Коста Рика - костариканци; польск. *Kostaryka* - *Kostarykanie*, *Puerto Riko* - *Puertorykańczycy*; *San Marino* - *Sanmaryńczycy*; словацк. *Kostarika* - *Kostaričania*, *Porto Riko* - *Portoričania*, *Saint Pierre* - *Saintpierčania*, *San Marino* - *Sanmarinčania*, *Sierra Leone* - *Sierra-leončania* etc.

Если же хоронимы обладают неутраченной смысловой членимостью (а это, как правило, калькированные хоронимы), то в этом случае они являются тем более неразложимыми географическими номинантами, из которых при формировании отхоронимических прилагательных и этнонимов выпадают лишь такие элементы, как остров(а), архипелаг, республика и тому подобные определители политико-географической номенклатуры, ср.: русск. Новая Зеландия - новозеландцы, Новая Гвинея - новогвинейцы, Острова Зеленого Мыса - зеленомысцы, Экваториальная Гвинея - экваторгвинейцы и т.п.; болг. Нова Зеландия - новозеландци, Нова Каледония - новокаледонци; словацк. *Stredoafričká republika* - *Stredoafričania*, *Nova Kaledonia* - *Novokaledončania*, *Nova Zelandia* - *Novozeland'ania*, *Kapverdské ostrovy* - *Kapverd'ania*; польск. *Nowa Kaledonia* - *Nowokaledończycy*, *Nowa Zelandia* - *Nowozelandczycy* etc.

Правда, формирование этнонимов в этом случае ограничено таким фактором, как возможность образования на базе сложного хоронима отхоронимического сложного прилагательного. А это бывает осуществимым только при использовании в таких прилагательных следующих членов оппозиций: северный - южный, западный - восточный, верхний

- нижний, а также новый - старый, где последний член обычно не употребляется в топонимическом значении, ср. нетерминологические для географии Новый Свет (Америка) - Старый Свет (Европа). Такие компоненты легко становятся первым элементом сложного отхоронимического прилагательного, от которого уже образуется этноним. И наоборот, именно калькирование затрудняет словопроизводство, если мы имеем дело с такими топонимами, как остров Святой Елены, Берег Слоновой Кости (хотя в сербохорватском такое образование возможно: Слоновци³⁵). Здесь уместно сравнить легкость формирования этнонима от Сан-Томе - сантомейский - сантомейцы, сантомеец, сантомейка, и невозможность его формирования на базе старого русского калькированного названия остров Святого Фомы³⁶ или польского названия Wyspa Świętego Tomasza.

Для современных славянских литературных языков характерной тенденцией является внедрение в лексический пласт хоронимов аббревиатур. Подчас именно использование сокращенных форм помогает дифференцировать названия государств, имеющих в составе трех- и более компонентной структуры одинаковые основные элементы, ср., например: русск. Германия - ГДР и ФРГ, Йемен - НДРЙ и ЙАР; болг. ГДР и ГФР; польск. NRD i RFN (NRF).

Однако, несмотря на очень широкое распространение хоронимов-аббревиатур, крайне редко такие сокращенные формы хоронимических основ становятся базой для образования прилагательных³⁷ и, следовательно, этнонимов. В частности в русском языке зафиксировано крайне ограниченное число таких образований: ОАР (устаревшее название - Объединенная Арабская Республика) - оаровский - оаровцы, ЮАР (Южноафриканская Республика) - юаровский - юаровцы (наряду с южноафрикансий - южноафриканцы), ГДР (Германская Демократическая Республика) - гедеэровский - гедеэровцы, ФРГ (Федеративная Республика Германия) - фезэрговский - фезэрговцы (ярко выраженное разговорное).

В польском языке на базе аббревиатур NRD i RFN в разговорной

³⁵ J. M a t e š i ć, *Ruckläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen*, Band 1, Lieferung 1, Wiesbaden 1965, с. 207.

³⁶ К о в а л е в, История русских этнических..., с. 95.

³⁷ В. Х. Н е м ч е н к о, Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке, Горький 1973, с. 95.

речи образовались прилагательные *NRD-owski i enerdowski, RFN-owski i erefenowski (NRF-owski)*³⁸. Появился даже термин *enerdolog* - специалист по ГДР³⁹. От указанных прилагательных в польской разговорной речи уже формируются этнонимы *NRD-owiec i RFN-owiec*. Интересно, что в этом случае используется не характерный для польской этнонимии суффикс *-czyk*, а широко употребляемый в польских отаббревиатурных образованиях суффикс *-iec*, ср.: *ZMP-owiec, PPS-owiec etc.*⁴⁰

В современном болгарском языке активно используются этнонимы, образованные от аббревиатур: гедереец и гедеерец (гражданин ГДР), гефереец и гефеерец (гражданин ФРГ, болг. - ГФР)⁴¹. Болгарский исследователь В. Станков считает, что из двух вариантов литературным и чисто болгарским можно признать лишь образования от гедере (ГДР) и гефере (ГФР), образования же от гедеер и гефеер, по его мнению, являются русизмами⁴². По ассоциации с германец в болгарском языке (разговорная речь) сформировались также термины гедеранец или гедерманец и геферанец или геферманец.

Однако в целом следует признать, что отаббревиатурные этнонимы не получили еще широкого распространения в славянских языках.

Проблема формирования этнонимов, обозначающих лиц женского пола, требует специального рассмотрения в отдельной статье, работа над которой автором уже завершается.

Филиал института русского языка
им. А. С. Пушкина
Варшава

³⁸ *Słownik poprawnej polszczyzny*, Warszawa 1983, с. 414-415.

³⁹ А. Загородникова, *Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie*, Kraków 1982, с. 296.

⁴⁰ J. Млодунский, *Skrótowce we współczesnym języku polskim*, [в:] *Współczesna polszczyzna*, Warszawa 1981, с. 178.

⁴¹ Б. Парашкевов, Имена за лица от инициални съкращения в български език, "Български език" 1974, кн. 4, с. 354.

⁴² В. Станков, За изговора на съкращените названия на двете германски държави, "Български език" 1973, кн. 1-2, с. 129.

Gienadij Kowalew

SŁOWOTWÓRCZE TENDENCJE ROZWOJOWE SŁOWIAŃSKIEJ ETNONIMII

W spadku po języku prasłowiańskim słowiańska etnonimia otrzymała jednakowe słowotwórcze modele i środki. Język starorosański rozwinął wyraźne formy zbiorczych etnonimów.

Wraz z rozwojem narodowościowych języków słowiańskich, etnonimia każdego z nich nabrała swoistych cech. Na podstawie wspólnych słowiańskich słowotwórczych modeli i środków wypracowano specyficzne modele narodowościowe: serbsko-chorwacki *-anac*, czeski *-an*, słowacki *-čan*, rosyjski, bułgarski i macedoński *-ec*, polski *-czyk*.

W pracy rozpatrzono także problemy wcielenia do słowotwórczej struktury etnonimii i nazw państw ze złożoną podstawą włączając abrewiaturę.